

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ: ПРОФИЦИТ И ДЕФИЦИТ ДОВЕРИЯ ДРУГОМУ КАК ПРОБЛЕМА КОГНИТИВНЫХ ПРАКТИК

Муртазин Салават Раисович

ассистент кафедры истории, философии и социологии

Казанский государственный медицинский университет

e-mail: murtazin.salawat2013@yandex.ru

г. Казань

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению феномена эпистемической несправедливости как дефицита и профицита эпистемического доверия другому. Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что значительная часть знаний об окружающем мире, которыми располагает человек, не получены им самостоятельно, но являются результатом его доверия свидетельству другого. В качестве одной из главных причин значительной роли доверия в процессе познания рассматривается существование такого феномена, как «чисто позиционное преимущество». Значительная роль коммуникативного знания в жизни человека ведёт к необходимости поиска баланса между чрезмерным доверием и чрезмерной подозрительностью по отношению к другому. С точки зрения автора, данная проблема является актуальной не только в контексте получения человеком знаний об окружающем его мире, но также знаний о его собственном теле и здоровье.

Ключевые слова: эпистемология, познание, знание, свидетельство, доверие, эпистемическая несправедливость, здравоохранение, добродетели.

EPISTEMIC INJUSTICE: SURPLUS AND DEFICIT OF TRUST IN THE OTHER AS A PROBLEM OF COGNITIVE PRACTICES

Murtazin S. R.

*assistant of the Department of History,
Philosophy and Sociology
Kazan State Medical University,
Kazan*

Abstract

The article is devoted to the consideration of the phenomenon of epistemic injustice as a deficit and surplus of epistemic trust in another. The relevance of this problem is due to the fact that a significant part of knowledge about the surrounding world, which a person has, is not obtained by him/her independently, but is the result of his/her trust in the testimony of another. The existence of such phenomenon as «purely positional advantage» is considered as one of the main reasons for the significant role of trust in the process of cognition. The significant role of communicative knowledge in human life leads to the need to find a balance between excessive trust and excessive suspicion towards the other. From the author's point of view, this problem is relevant not only in the context of a person's acquisition of knowledge about the world around him, but also knowledge about his own body and health.

Keywords: epistemology, cognition, knowledge, testimony, trust, epistemic injustice, healthcare, virtues.

На практике мы нередко сталкиваемся с формой познания, в рамках которой мы имеем дело не с непосредственно интересующим нас объектом, но с убеждениями об этом объекте другого субъекта, который, как нам представляется, взаимодействовал с этим объектом и смог сформировать о нём истинные обоснованные убеждения.

Говоря иначе, нередко между нами и объектом в качестве посредника появляется другой субъект. Знания, полученные через посредника в виде другого субъекта, обозначаются в современной эпистемологии как «коммуникативное знание» [см.:1]. В то же самое время те сведения и убеждения, которые другой субъект пытается до нас донести, обозначаются в рамках современной эпистемологии как «свидетельство». То есть, мы можем определить коммуникативное знание как форму знания, источником которого является свидетельство другого субъекта относительно интересующего нас объекта.

Но почему эпистемологии, в принципе, необходимо уделять внимание этой форме познания? Как мы знаем из курсов философии и/или истории философии, многие мыслители пытались ответить на вопрос о том, какой именно источник наших знаний об окружающем мире является самым главным и надёжным. В качестве кандидатов на эту роль в основном рассматривались либо разум и причастные к нему врождённые идеи, либо ощущения, полученные посредством органов чувств. В рамках философии Нового времени это проявилось в виде противостояния таких направлений философской мысли, как эмпиризм и рационализм [см.:2, с. 8]. Но что, если не разум и не чувства, но свидетельство является главным источником если не всех знаний отдельно взятого человека, то, как минимум, значительной их части? В своей монографии «Эпистемология добродетелей» А.Р. Каримов формулирует тезис о тотальности коммуникативного знания: одним из главных источников наших знаний о мире являются свидетельства других людей [см.: 3, с. 315]. Каков источник наших знаний о событиях далёкого прошлого, факте существовании стран и городов, в которых мы никогда не были, о произошедшей вчера в соседнем районе нашего города автомобильной аварии и т.д.? Все эти и многие другие наши убеждения об окружающей нас действительности, в истинности и обоснованности которых мы обычно не сомневаемся, получены нами не посредством (правильного) использования нами нашего (и только нашего) собственного разума и/или наших

(и только наших) органов чувств, но благодаря тому, что мы приняли те или иные свидетельства в качестве заслуживающих нашего доверия.

В чем причина того, что знание через свидетельство играет столь значимую роль в жизни человека? Одной из главных причин этого является то, что отдельно взятый человек физически не может получить знания о всём окружающем его мире самостоятельно и без посредников. Например, в своём труде «Истина и правдивость: эссе по генеалогии» Бернард Уильямс пишет, что «каждый человек в коллективной группе нуждается в информации, для получения которой он или она находится не в самом лучшем положении: все они, в разное время и в отношении различных частей информации, находятся в преимущественном или неблагоприятном положении (чисто позиционном или ином) по отношению друг к другу» [4, с. 42]. Например, тот, кто непосредственно наблюдал произошедшую вчера в соседнем районе аварию, находился в том положении, благодаря которому он мог самостоятельно сформировать истинные обоснованные убеждения о ней. Мы, в свою очередь, не можем вернуться в прошлое и самостоятельно убедиться в том, что авария действительно произошла. Поэтому мы вынуждены в этом вопросе доверять другому, так как он, говоря словами того же Б. Уильямса, в данном контексте обладает «чисто позиционным преимуществом» (*purely positional advantage*) по сравнению с нами. Таким образом, хотим мы того или нет, мы не можем всегда находиться в положении, позволяющем нам самостоятельно, независимо от свидетельства другого, сформировать истинные и обоснованные убеждения касательно всех вещей или явлений, в знаниях о которых мы по тем или иным причинам можем нуждаться. О том, почему эпистемологические теории и концепции, игнорирующие влияние подобного рода позиционного преимущества на познавательную деятельность человека, являются нереалистичными мы подробнее писали в предыдущих наших публикациях, например в статье «Эпистемический эгоизм и проблема доверия в познании» [5].

Знание через свидетельство, и, следовательно, доверие другому играет значительную роль в процессе познания нами окружающего мира. Однако подобного рода зависимость от другого, от его точности и искренности в качестве знатока и познающего субъекта, ведёт к тому, что перед нами неизбежно возникает вопрос о границах нашего доверия другому. Говоря проще, мы должны решить, кому, когда и почему мы можем доверять как надёжному источнику свидетельств, а кому - нет. И в этом вопросе мы можем впасть в две противоположные крайности: либо в легковерие, либо в подозрительность. Об этих крайностях, например, пишет один из главных представителей эпистемологии добродетелей Линда Загзебски [6, с. 160]. Легковерие, как можно догадаться, проявляется в тех случаях, когда человек проявляет чрезмерное доверие, не прикладывая усилий для уточнения того, насколько точен и/или искренен тот, кому он доверяет. Говоря иначе, необходимость доверия в познании не означает того, что нам следует доверять всем во всех возможных случаях. Иногда доверие может оказаться неуместным. В качестве конкретного примера легковерия мы могли бы привести случаи, когда, формируя убеждения о женском здоровье или прививках, люди больше доверяют не экспертам в области медицины, а различного рода знаменитостям [см.:7, с.182-186]. Подозрительность, наоборот, является проявлением не уместного в том или ином контексте, недостаточно обоснованного или вовсе необоснованного скептицизма по отношению к другому в качестве надёжного и добросовестного источника свидетельств.

С нашей точки зрения, и легковерие, и подозрительность как формы переизбытка или дефицита эпистемического доверия могут рассматриваться в качестве проявления такого феномена, как эпистемическая несправедливость. В рамках современных исследований эпистемическая несправедливость чаще всего рассматривается в контексте проблемы подозрительности по отношению к определённым социальным группам, которым из-за существующих в том или ином обществе стереотипов, например расовых или гендерных, систематически

отказывают в эпистемическом доверии. Именно о такой форме эпистемической несправедливости пишет в своём труде «Эпистемическая несправедливость. Власть и этика познания» Миранда Фрикер [8]. С нашей точки зрения, не меньшего внимания заслуживает эпистемическая несправедливость, которая проявляет себя не только в форме дефицита, но и в форме переизбытка доверия, также обусловленного, скорее, предрассудками и привычками, нежели взвешенной оценкой свидетельства. В качестве примера мы могли бы привести случаи чрезмерного доверия науке как совершенной форме знания и познания. В таком случае формальной принадлежности человека к науке может оказаться достаточно, чтобы его свидетельства рассматривались в качестве заслуживающих большей степени доверия, чем все остальные. Подобного рода легковерие по отношению к науке критикуется многими авторами, например, такими как Пол Фейерабенд [см.:9, с. 301-302] и Лорейн Коуд [см.:10, с. 244].

Одной из областей жизни человека и общества, в рамках которой проблема нахождения баланса между крайностями легковерия и подозрительности является одной из наиболее актуальных, – сфера медицины и здравоохранения. Это наше предположение кому-то может показаться странным. Действительно, до этого мы рассматривали случаи, когда причиной нашей зависимости от свидетельств другого является его позиционное преимущество. С этой точки зрения, казалось бы, никто не может занимать более выигрышное положение в вопросе способности формулировать истинные и обоснованные убеждения о нашем теле, чем мы сами. Однако, утверждая так, мы упускаем два важных нюанса, связанных с нашими знаниями о собственном теле. Во-первых, значительная часть нашего тела фактически недоступна для нас. Мы можем ощущать нечто в нашем животе, но то, что это нечто – наш желудок мы узнаём от другого, например, от врачей, авторов школьных учебников или от учителя биологии. Говоря словами Ж.-П. Сартра, в значительной мере наше тело мы знаем «посредством понятий Другого» [11, с. 373]. Во-вторых, тело

человека представляет из себя сложный и многогранный объект, изучение которого требует совместной работы самых разных взаимосвязанных научных дисциплин (анатомии, физиологии, биохимии и т.д.), полноценное освоение и понимание которых требует долгих лет обучения. То есть, даже если бы наше тело было нам полностью доступно, мы нуждались бы в тех, кто обладает специализированными знаниями. Говоря иначе, нам необходимы эксперты, которые могут помочь нам распознать нашу болезнь, а также дать корректные рекомендации для её излечения.

Таким образом, знания о нашем теле в значительной части являются знаниями, полученными через свидетельство. Это означает, что поиск баланса между подозрительностью и легковерием, который может быть обозначен как «эпистемическая справедливость», в отношениях между врачом и пациентом является одной из важных задач, и она остаётся актуальной не только для теоретиков-эпистемологов, но также для медицины и системы здравоохранения. Существенный вклад в решение этой задачи, с нашей точки зрения, могут внести такие направления философских исследований, как этика и эпистемология добродетелей.

Литература

1. *Karimov A., Solodukho M.* Problems of knowledge by communication / A. Karimov, M. Solodukho // Вісник Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв. № 4, 2017. Р. 217–220.
2. *Лысенко В.Г.* Чувственное и рациональное познание: Индия и Запад (принципы сравнительного анализа) / В.Г. Лысенко // Философский журнал. 2010. №2 (5). С. 5-16.
3. *Каримов А.Р.* Эпистемология добродетелей: научная монография / А. Р.Каримов. СПб: Алетейя, 2019. 428 с.
4. *Williams B.* Truth & Truthfulness: an essay in genealogy / B. Williams. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2002. 343 p.

5. Муртазин С.Р. Эпистемический эгоизм и проблема доверия в познании / С. Р. Муртазин//Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2021. № 5. С.35-51.
6. Zagzebski L. Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge / L. Zagzebski. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 160.
7. Николс Т. Смерть экспертизы: как интернет убивает научное знание / Том Николс; [пер. с англ. Т.Л. Платоновой]. М.: Эксмо, 2019. 368 с.
8. Fricker M. Epistemic Injustice. Power and the Ethics of Knowing / M. Fricker. New York: Oxford University Press. 2007. 188 p.
9. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд; пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 413 [3] с.
10. Code, L. Ecological Thinking: The Politics of Epistemic Location / L. Code. New York: Oxford University Press. 2006. 322 p.
11. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр; пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.